

ПОНЯТИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

© 2007 г.

А.В. Чанчина

Нижегородский государственный педагогический университет

avchuach@mail.ru

Поступила в редакцию 28.06.2007

Рассматривается центральное понятие синхронного словообразования – синхронная мотивация. Представленные примеры наглядно свидетельствуют о наличии в современном русском языке большой группы слов с разной степенью мотивированности.

Словообразовательная мотивация – центральное понятие синхронного словообразования, поскольку основным предметом изучения в синхронном словообразовании являются мотивированные слова.

Проблема произвольности/обусловленности (мотивированности) знака обсуждалась еще в античности, но наиболее четко и эксплицитно она была, как известно, изложена Ф. де Соссюром. «Не существует языков, где нет ничего мотивированного; но нелегко себе представить и такой язык, где мотивировано было бы все. Между этими двумя крайними точками – наименьшей организованностью и наименьшей произвольностью – можно найти все промежуточные случаи. Во всех языках имеются двойного рода элементы – целиком произвольные и относительно мотивированные, – но в весьма разных пропорциях, и эту особенность языков можно использовать при их классификации» [1, с. 165]. Об этих пропорциях точно судить очень трудно, поскольку словарь открыт для новообразований и заимствований, благодаря чему меняется состав не только мотивированных, но и – хотя и в гораздо меньшей степени – состав немотивированных слов. Тем не менее в ряде исследований содержатся данные о соотношении мотивированных и немотивированных слов: в русском языке – 66:34, во французском 57:43 [2, с. 41]. Исследователи (В.Г. Гак, О.И. Блинова, А.Н. Тихонов и др.) сходятся в том, что мотивированных слов гораздо больше, чем немотивированных, чем и определяется прежде всего важность и актуальность изучения словообразовательной мотивации.

Словообразование – это, по-видимому, единственный из крупных разделов языкознания, в котором не утвердилось общепринятой терминологии для наиболее существенных понятий – *мотивация/производность*,

мотивированное/произ-водное/образованное от... и т. п.

Несмотря на то что традиция словообразовательного употребления терминов *мотивация*, *мотивированность*, *мотивированный* и других с тем же корнем восходит, как уже говорилось, к Ф. де Соссюру и далее уже не прерывалась, в русистике долгое время употреблялись только термины *производность*, *производный*, *образованный от...* При этом чаще всего имелись в виду одновременно как синхронные связи, так и реальное образование слов.

В славистике термин *мотивация* и однокоренные термины для обозначения синхронных словообразовательных связей утвердились после публикации книги М. Докулила «*Tvořeni slov v češtině. I. Teorie odvozování slov*» (1962) [3, с. 6]. В дальнейшем термин *мотивация* (*словообразовательная мотивация*) прочно вошел в употребление в русистике. Появились монографии, специально посвященные словообразовательной мотивации [4–7]. Стал использоваться термин *мотивология*.

С другой стороны, можно назвать ряд работ, в которых используются оба ряда терминов (*мотивация* и *производность* и однокоренные), причем в значительной части этих работ мотивированность рассматривается как свойство производных слов. Опубликованную впервые в 1946 г. статью Г.О. Винокура можно считать началом такого словоупотребления: «...есть слова, по структуре своей составляющие вполне условные обозначения соответствующих предметов действительности, и слова, составляющие в известном смысле не вполне условные, мотивированные обозначения предметов действительности, причем мотивированность этого рода обозначений выражается в отношениях между значащими звуковыми комплексами, обнаруживающимися в самой структуре этого рода слов. Эти слова и

суть слова с производными основами» [8, с. 421]. Ср. более поздние аналогичные формулировки: «Слова *дубняк, учитель, расчислить, беловатый* и др. – производные, так как называют предметы, явления или действия мотивированно по отношению к тому, что указано производящими *дуб, учить, чистить* или *белый*, которые, в свою очередь, являются непроизводными, так как называют предметы или явления реальной действительности непосредственно, безотносительно, немотивированно» [9, с. 37].

Имеются работы, где оба ряда терминов выступают как абсолютные синонимы. Так, в учебнике «Современный русский язык» [76] есть разделы (автор Е.А. Земская), в названиях которых употреблен термин *мотивация*: «Отношения метафорической мотивации» [10, с. 136]; «Отношения периферийной мотивации» [10, с. 137], но в самих этих разделах (как и во всем учебнике) употребляется только термин *производность*: «В тех случаях, когда производное слово основывается на переносных (метафорических) значениях производящего, их связывают отношения метафорической производности» [10, с. 136]; «Для слов, связанных отношениями периферийной производности, характерен семантический компонент “в том числе”» [10, с. 137].

Таким образом, термин *мотивация* и однокоренные термины имеют в словообразовании длительную традицию употребления, хотя в ряде работ до сих пор еще употребляется только термин *производность* и однокоренные.

Производность в синхронии и диахронии понимают по-разному. «С точки зрения синхронической к производным относятся такие слова, которые в данный момент развития языка воспринимаются как образованные в прошлом от других однокоренных слов, т.е. сохраняют известные формальные и семантические признаки вторичности, производности» [11, с. 100].

Опираясь на эту традицию, вслед за некоторыми исследователями целесообразно синхронные отношения между формально и семантически связанными словами называть термином *мотивация*, а диахроническое образование слова – *производностью* [4].

Итак, в целях четкого разграничения реального возникновения слова и его синхронных формально-семантических связей, необходимо различать понятия *производность* и *мотивация*.

Понятие мотивации (производности) соответствует интуиции лингвистов хотя бы потому, что определяется или используется во всех работах по словообразованию. По мнению исследователей, отвечающим интуиции лингвиста (а вероятно, и просто носителя языка) было бы определение мотивированного слова как такого слова, которое осознается как образованное от другого слова, имеющегося в том же языке той же эпохи; а мотивации – как отношения между словами, одно из которых осознается как мотивирующее (производящее, исходное), другое – как мотивированное (производное, образованное). Задачей лингвиста является зафиксировать свойства этих слов, т.е. выявить причину их восприятия как мотивирующих и мотивированных и тем самым сформулировать правила определения направления мотивации [3].

Интуитивно ощущаемая «образованность» слова должна быть эксплицирована, т.е. должны быть изложены те свойства слов, которые вызывают ощущение их образованности от другого слова, имеющегося в языке.

Сама синхронная мотивированность понимается в науке неоднозначно. В «Русской грамматике» она трактуется как явление формально-семантическое. Она используется для обозначения чисто синхронных отношений независимо от того, когда было образовано слово.

И.С. Улуханов предлагает следующее определение словообразовательной мотивации – отношение между двумя словами, обладающими следующими признаками: 1) оба слова имеют один и тот же корень; 2) значение одного из слов или полностью входит в значение другого (*дом – домик* «*маленький дом*»; *победить – победитель* «*тот, кто победил*»), или тождественно лексическому значению другого, либо синтаксические позиции этих слов различны (сюда относятся пары типа *бежать – бег, белый – белизна, быстрый – быстро*, образуемые словами разных частей речи; второй член этих пар представляет собой, по Е. Куриловичу, синтаксический дериват), либо эти слова различаются стилистически (при тождестве синтаксических позиций): *книга – книжка, книженция*) [3, с. 10–11].

Имея в виду необходимость этого разграничения, Н.А. Янко-Триницкая предложила вместо термина *производный* ввести *выводимый*, а вместо *производящий* – *базовый* [12]. Термины *мотивированный* и *мотивирующий*, по мнению Н.А. Янко-Триницкой, односторонне семантически. Однако термин *выводимый* и *базовый* не закрепились в

словообразовательной терминологии, возможно, в силу того, что и *производящий*, и *мотивирующий* имели длительную традицию употребления.

И.А. Ширшов предлагает закрепить за термином *мотивированность* значение «семантическая выводимость» по следующим причинам.

Во-первых, понятие «семантическая выводимость» шире понятия производности. Например, слово *обод* подверглось формальному опрощению, а семантические связи со словом *обвести* – *обводить* сохранились, ср. *обод* – *металлическая пластинка, охватывающая, обводящая колесо*. Это слово уже непроизводное, но еще мотивированное.

Во-вторых, семантика слова, ввиду своей подвижности, обладает способностью к изменениям от отчетливости до ассоциативности и слово обладает своей шкалой мотивированности. Кроме того, она испытывает на себе давление словообразовательной системы, что проявляется в полимотивированности.

В-третьих, мотивированность обладает своей системой измерения и своей типологией.

При описании лексического значения мотивированного слова малопродуктивны формулы толкования, свойственные всем производным одного словообразовательного ряда, в таком случае в общем значении нивелируется индивидуальное. Само общее значение базируется на индивидуальном, лексическом, а не наоборот. При описании значений производных в толково-словообразовательном словаре возникает проблема характера семантических определений.

При определении значения синхронно производного (мотивированного) слова важно учитывать его связи с синхронно производящим (мотивирующим) словом.

Е.А. Земская отмечает, что «семантические определения типа *дождевик* – *вид верхней одежды* – “*легкое пальто*”, *подснежник* – “*растение из семейства амариллисовых с поникшим цветком*”, *змеевик* – “*согнутая спиралью металлическая, стеклянная или фарфоровая трубка*”, приведенные в толковых словарях, содержат элементы энциклопедизма и «не годятся для словообразовательного анализа, так как в них “скрыта”, “замазана” связь между строением слова и его семантикой». Исходя из таких определений, все названные слова следует отнести к непроизводным, не обладающим внутренней формой, и их,

естественно, надо вывести из своих словообразовательных гнезд.

Предложенные Е.А. Земской определения вскрывают мотивированный характер данных слов, ср.: *дождевик* «*легкое пальто, служащее средством защиты от дождя*», *подснежник* «*цветок, зацветающий сразу после таяния снега*», *змеевик* «*трубка, по форме напоминающая змею*». Именно определения такого рода пригодны для толково-словообразовательного словаря. В принципе описание значений производных в толковом и толково-словообразовательном словарях не должны различаться, но если в толковом словаре мотивированные слова определяются энциклопедически, это свидетельствует о неразработанности данной проблемы в словообразовательной науке: лексикография должна следовать за теоретическим и описательным словообразованием, а не наоборот [13].

При описании значений производных используются две основные формулы соотношения мотивированных и мотивирующих в зависимости от того, к какой подсистеме деривации принадлежит слово. Подсистема синтаксической деривации характеризуется абстрактностью формантной части значения, а следовательно, стандартизованностью отношений мотивированных и мотивирующих во всех группах производных. В этой подсистеме используется отсылочный способ представления значений мотивированных слов, ср.: *ходьба* «*действие по глаголу ходить*», *синева* «*признак по прилагательному синий*». Сюда же войдет и часть мотивированных с модификационным значением, ср.: *стол* «*уменьш. к стол*».

Значение производных в подсистеме лексической деривации описывается не способом отсылки к значению мотивирующего, а способом включения мотивирующего в его толкование, ср.: *тракторист* – «*тот, кто водит трактор*», *кусаться* – «*иметь обыкновение кусать*». Именно в подсистеме лексической деривации наиболее полно представлены различные типы мотивированности [14, с. 10].

За последние годы изучение проблемы словообразовательной мотивированности активизировалось, и связано это с тем, что анализ лексико-семантических отношений между производящим и его производным имеет большое теоретическое и практическое значение: степень включения значения одного слова в значение другого слова может быть

различна, и этим объясняется необходимость изучения степеней мотивированности слов [15, с. 193].

Существует большая группа таких слов, которые находятся в зоне, пограничной между мотивированными и немотивированными словами, располагаясь (в соответствии с теми или иными своими свойствами) ближе к одному из этих полюсов. Именно существованием этой пограничной группы слов и объясняются многочисленные споры по поводу мотивированности/немотивированности, прозрачности/непрозрачности тех или иных слов, споры о границах синхронного гнезда слов. Эти споры напоминают более раннюю полемику по поводу членности слов, утратившую остроту благодаря постановке проблемы степеней членности и разработке конкретной шкалы степеней членности.

Так, например, у некоторых из этих слов, этимологически образованных на базе фразеологизмов, мотивация фразеологизмом ощущается и в настоящее время. *Баклушничать* «то же, что и бить баклуши – бездельничать, заниматься пустяками (первоначально – раскалывать полено на баклуши, т.е. чурки для выделки из них мелких щепных изделий)» образовано от фразеологизма *бить баклуши*. Происхождение существительного *баклуша* считается невыясненным. Семантика и структура слова позволяют объяснить его как производное с помощью суффикса *-уша* от той же основы *бакл-*, что и *баласа* – «деревянная обручная или долбленная посуда», диал. *баклан* – «чурка», *калбан* – «самодельная деревянная миска» [16, с. 32]. *Взбелениться* – «прост. прийти в крайнее раздражение, взбеситься» пришло в русский литературный язык из диалектов в XIX в. Исконное суффиксально-префиксальное производное на базе фразеологического оборота *белены объелся*. В деревне на задворках и в кустах можно встретить высокие кусты с грязно-желтоватыми, в лиловых прожилках цветами с неприятным запахом. Это и есть белена – очень ядовитое растение. Ее семена напоминают мак, но тот, кто их съест, становится как бы безумным: бредит, буйствует, умирает. Производное значительно трансформирует семантику мотиватора, актуализируя сему «возбужденный».

В словах *раздраконить*, *околпачить* мы еще можем говорить о мотивирующих, пусть основанных на ассоциативных связях. *Раздраконить* – «прост. сильно разругать». *Дракон* – «сказочное чудовищное в виде крылатого огнедышащего змея, пожирающее

людей и животных; о жестоком безжалостном ч-ке». Ср. синонимический ряд: *разнести в пух и прах, распечь, разделить под орех*. Значение производного базируется, по-видимому, на коннотациях, обозначающих негативное отношение к чему-л. Важная роль в формировании значения производного принадлежит конфиксу *раз...-ся*, обозначающему «интенсивность, полноту действия» (*разругать, разгромить, разобидеть*). *Околпачить* – «прост. обмануть, одурачить, воспользовавшись чьим-либо простодушием, доверчивостью». *Колпак* – «головной убор остроконечной, овальной и пр. формы; прост. о простодушном недалеком человеке». *Околпачить* – префиксальное производное от *колпачить* «дурачить», суффиксальное производное от *колпак* в значении «дурак, простофиля», в диалектах еще отмечаемого. Ср. укр. *ковпак* «колпак», но «колпачить» – *обдурковати*, бол. *каупау* (но «околпачить» – *абдуриць*). Семантика слова, кроме того, поддерживается словообразовательным рядом: *обдурить, обмануть, объегорить, обитопать*.

А в слове *переборщить* очень трудно говорить о семантической соотнесенности со словом *борщ*. *Переборщить* – «разг. перейти меру в чем-либо». *Переборщить* (новообразование начала XX в.) происходит не от *борщ* (*борщ* – «суп из свеклы с капустой и различными приправами»), а от (**переборчить*) *переборка* (*переборка* – «прост. придирчивый разбор, рассмотрение каких-либо поступков, поведения и т.п. с целью порицания»), далее *перебрать*, *переборчивый* – «прост. требовательный, чрезвычайно разборчивый в выборе; привередливый»). Слово, по-видимому, перешло в литературный язык из южных диалектов, где *борщить* означало «*лить без толку много, через край*».

Представленные примеры наглядно свидетельствуют о наличии в современном русском языке большой группы слов с разной степенью мотивированности. Перед современной наукой о структуре слов стоит задача – создать теорию синхронных степеней мотивации и дать диахроническую интерпретацию этих степеней, т.е. выявить диахронические факторы, влияющие на утрату или ослабление мотивированности слова. Эта задача далека от решения как в силу слабой изученности материала, так и в силу его сложности и разнообразия.

Обзор работ последнего времени о видах и степенях мотивации показал, что в центре внимания их авторов стоит вопрос о характере (прежде всего – степени близости)

семантических отношений между анализируемыми словами. Решение этого вопроса тесно связано с проблемой соотношения системы языка и его функционирования в речи индивидуумов, поскольку разные индивидуумы – в зависимости от своей языковой компетенции – по-разному трактуют значение и структуру слова: одно и то же слово может оцениваться как мотивированное одним носителем языка и как немотивированное – другим. Это не означает, однако, что в решении проблемы степеней мотивированности следует остановиться на уровне языковой компетенции индивидуумов и не ставить вопроса о мотивированности/немотивированности слова в системе языка.

Решение этой задачи имеет не только теоретическое, но и практическое значение: проблема степеней мотивации встает при составлении морфемных и словообразовательных словарей (определение границ гнезда) и при составлении словарей этимологических словарей (определение слов, нуждающихся в этимологическом объяснении).

Список литературы и примечания

1. Де Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр // Труды по языкознанию. – М., 1977.
2. Гак, В.Г. Сопоставительная лексикология. На материале французского и русского языков / В.Г. Гак. – М., 1977.
3. Улуханов, И.С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка / И.С. Улуханов. – М.: ООО «Издательский центр «Азбуковник», 2005. – 314 с.
4. Улуханов, И.С. Словообразовательная семантика в русском языке / И.С. Улуханов. – М., 1977.
5. Ширшов, И.А. Множественность словообразовательной мотивации в современном русском языке / И.А. Ширшов. – М., 1981.
6. Блинова, О.И. Явление мотивации слов / О.И. Блинова. – Томск, 1984. – 290 с.
7. Голев, Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации / Н.Д. Голев. – Томск, 1979.
8. Винокур, Г.О. Заметки по русскому словообразованию / Г.О. Винокур // Избранные работы по русскому языку. – М., 1959.
9. Балалыкина, Э.А. Русское словообразование: Учебное пособие / Э.А. Балалыкина, Г.А. Николаев. – Казань, 1985.
10. Современный русский язык. – М., 1981.

11. Немченко В.Н. Современный русский язык: Н. Новгород: ННГУ, 2004. – С. 193–198.
Словообразование. – М., 1984.
16. Шанский, Н.М. Краткий этимологический

**THE PROBLEM OF WORD-BUILDING MOTIVATION TYPOLOGY
IN CONTEMPORARY LINGUISTICS**

A.V. Chanchina

Synchronous motivation as the central concept of synchronous word-building is examined. A selection of examples is given to testify to the existence of a large group of words with different degrees of motivation in the modern Russian language.

12. Янко-Триницкая Н.А. Словообразование в словаре русского языка / Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Н.М. Шанская. – М., 1975. – 503 с.
13. Земская, Е.А. Виды семантических отношений словообразовательной мотивации / Е.А. Земская // Wiener Slavistischen Almanach. – М., 1996. – С. 90–135.
14. Ширшов, И.А. Концепция гнездового толково-словообразовательного словаря / И.А. Ширшов // Актуальные проблемы современной русской лексикографии. – Елец, 2003. – С. 8–14.
15. Рацибурская, Л.В. О типологии словообразовательных мотиваций (на примере словообразовательных цепей со словами единичной структуры) / Л.В. Рацибурская, М.В. Сорокина // Филологические исследования: сборник статей молодых ученых. –